

*Леон
Баттиста
Алберти*

КНИГИ О СЕМЬЕ

Леон Баттиста Альберти

Книги о семье

«Языки Славянской Культуры»

2008

Альберти Л.

Книги о семье / Л. Альберти — «Языки Славянской Культуры», 2008

Четыре книги Леона Баттисты Альберти «О семье» считаются шедевром итальянской литературы эпохи Возрождения и своего рода манифестом гуманистической культуры. Это один из ранних и лучших образцов ренессансного диалога XV в. На некоторое время забытые, они были впервые изданы в Италии лишь в середине XIX в. и приобрели большую известность как среди ученых, так и в качестве хрестоматийного произведения для школы, иллюстрирующего ренессансные представления о семье, ведении хозяйства, воспитании детей, о принципах социальности (о дружбе), о состязании доблести и судьбы. В России Л. Б. Альберти хорошо известен и изучается с давних пор: переведен его фундаментальный труд «Об архитектуре» и другие латинские сочинения об искусстве. Полный перевод «Книг о семье» на русский язык публикуется впервые.

© Альберти Л., 2008

© Языки Славянской Культуры, 2008

Содержание

Пролог	8
Книга первая о семье: Об обязанностях стариков по отношению к юношам и младшему поколению и о воспитании детей	13
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Леон Баттиста Альберти
Книги о семье

Перевод М. А. Юсима

Книга опубликована при финансовой поддержке Министерства иностранных дел Итальянской Республики

Настоящий перевод на русский язык выполнен на основе критического текста «Книг о семье» (De familia libri IV) Л. Б. Альберти, подготовленного Франческо Фурланом для редактируемой им публикации в издательстве Ле Белль Леттр (Societe d'edition Les Belles Lettres) в Париже, во Франции на основе подготовленной им же «Новой редакции» текста, опубликованной издательством Эйнауди (Турин, Италия) в 1994 г.

Четыре книги Леона Баттисты Альберти «О семье» считаются шедевром итальянской литературы эпохи Возрождения и своего рода манифестом гуманистической культуры. Это один из ранних и лучших образцов ренессансного диалога XV в. На некоторое время забытые, они были впервые изданы в Италии лишь в середине XIX в. и приобрели большую известность как среди ученых, так и в качестве хрестоматийного произведения для школы, иллюстрирующего ренессансные представления о семье, ведении хозяйства, воспитании детей, о принципах социальности (о дружбе), о состязании доблести и судьбы. В России Л. Б. Альберти хорошо известен и изучается с давних пор: переведен его фундаментальный труд «Об архитектуре» и другие латинские сочинения об искусстве. Полный перевод «Книг о семье» на русский язык публикуется впервые.

В оформлении переплета использованы: воображаемый скульптурный портрет Л. Б. Альберти работы Джованни Лузини, из серии 28 мраморных статуй, водруженных в 1842–1856 гг. в наружные ниши здания галереи Уффици; иллюстрация из кн.: Pare, Ambroise. (Euvres. (Vingt cinquième livre traitant des monstres et prodiges), Paris, G. Buon, 1585, p. 1091; каменное изображение герба рода Альберти. Флоренция, Галерея Палаццо Моцци Бардини.

На фронтисписе автопортрет Л. Б. Альберти из рукописи Центральной Национальной библиотеки в Риме, Vittorio Emanuele 738.

На шмуцтитулах: Доменико Гирландайо, Старик с внуком, около 1490 г., Париж, Лувр; Антонелло да Мессина, Святой Иероним в келье (деталь), 1474–1475 гг., Лондон, Национальная галерея; Андреа Мантенья, Слуги с лошастью и собаками, 1474 г., Мантуя, замок Сан Джорджо, фрески на восточной стене Камеры дельи Спозии; Мазаччо, Динарий кесаря (деталь), 1425–1428 гг., Флоренция, Санта Мария дель Кармине, фреска в капелле Бранкаччи.

© Альберти Л. Б., 2008

© Языки славянской культуры, 2008

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Пролог

Когда я размышлял о том, сколь много, по рассказам древних историков и по воспоминаниям наших стариков, да и на наших глазах, пресеклось и угасло славных и процветающих семейств в Италии и в других странах, меня всегда удивляла и огорчала такая власть зловредной фортуны над людьми, ее переменчивость и дерзкая способность губить многочисленные и доблестные фамилии, щедро одаренные дорогими и желанными для всех смертных вещами, украшенные всяческими достоинствами, славой, хвалой, влиянием и благодатью. Фортуна погружает их в нищету, одиночество и ничтожество, множество отцов наделяет скудным потомством, несметные богатства заменяет крайней нуждой, с вершины славы бросает в пучину бед, несчастий, безвестности и презрения.

Увы! Сколько семейств пали и разорились сегодня! Не рассказать и не перечислить всех родов, которые, подобно древним и благородным Фабиям, Дециям, Друзам, Гракхам и Марцеллам, защищали в нашем городе свободу и общественное благо; и в мирное, и в военное время стояли на страже авторитета и достоинства нашей родины. Это были в высшей степени скромные, разумные, сильные семьи, которых боялись враги, а друзья любили и почитали. От всех этих семейств не осталось не то что их блеска и могущества, но и самих людей, и не только людей, которые впали в нищету и безвестность, но даже памяти, воспоминаний почти не сыскать, даже имя их забылось.

Итак, вот причина, по которой я решил расследовать, действительно ли такова власть фортуны в делах человеческих, что по своему неограниченному произволу она имеет право ввергать в напасти своей переменчивостью и непостоянством самые лучшие и великие семьи. И когда я, отрешившись от какой бы то ни было пристрастности и отставив в сторону все порывы души, думаю об этом, и наедине с собой, о юные Альберти, рассуждаю о том, с какой стойкостью наш род уже давно противостоит всем несчастьям, с каким благоразумием и рассудительностью наши Альберти переносили выпавшие на их долю бедствия и с каким упорством противостояли яростным нападкам злой судьбы, то вижу, что многие часто и несправедливо обвиняют фортуны, а иные, по своему неразумию подвергнувшись бедствиям, жалуются на нее и упрекают судьбу, которая якобы увлекла их своим потоком, хотя они ринулись в него по собственной глупости. Ведь многие бездарности ищут причину своих ошибок в происках посторонних.

Но если старательно поразмыслить о том, что же именно превозносит и преумножает людские семейства, чему они бывают обязаны своим счастьем и достоинством, то станет ясно, что чаще всего люди – сами источники своих бед и причина своих несчастий, и что не стоит искать всемогущих врагов, ведь никто не поставит величие, славу и известность в заслугу фортуны, а не доблести. В самом деле, обратимся к республикам, подумаем о минувших царствах: мы убедимся, что фортуна никогда не играла такой роли в обретении и преумножении могущества, в сохранении уже завоеванной славы, как святая и благословенная житейская мудрость. Кто усомнится в этом? Справедливые законы, мужественное и твердое поведение, любовь к отечеству, верность, прилежание, безупречные и похвальные нравы граждан всегда помогали снискать известность без помощи фортуны или достигнуть величия и еще большей славы с ее помощью, и притом оставить по себе потомкам бессмертную память. Поистине, после смерти Александра Великого, как только македонские князья озаботились своими богатствами и стали думать не о завоеванной ими вместе империи, а о своих собственных владениях, между ними тут же начались раздоры и разгорелось жаркое пламя ненависти; их души стала снедать алчность и ярость, вызванные обидами и желанием за них отомстить; и теми же самыми руками, тем же победоносным оружием, с помощью которого они отняли свободу у множества народов и покорили их, создали огромную империю, стяжали македонцам славу по всему миру; тем

же самым непревзойденным оружием, которое стало теперь служить корыстным притязаниям немногочисленных тиранов, преемников Александра, были погублены и уничтожены все их законы, истреблены их справедливость и добродетель, и обескровлена каждая частица их некогда грозных сил. Так македонцы утратили свое благополучие и за короткое время лишились империи и славы не по воле фортуны, а из-за собственной глупости. Грекам тоже сопутствовал успех, слава и власть, пока они заботились об укреплении и воспитании духа своих сограждан не меньше, чем об увеселениях и о превознесении себя над другими.

А разве нельзя сказать того же самого о нашей Италии? Пока мы соблюдали наипольнейшие и благословенные заветы старины, пока старались подражать нашим предкам и пытались превзойти в доблести знаменитых героев прошедших времен, пока итальянцы считали себя обязанными приносить все плоды своих трудов, промыслов и искусств, и вообще все, что имеют, на алтарь отечества ради общего блага, для пользы и выгоды всех сограждан; пока они были готовы пожертвовать своим имуществом, кровью и жизнью ради поддержания авторитета, величия и славы латинского имени, разве сыскался бы такой народ, такое дикое варварское племя, которое не убоилось бы противиться нашим велениям и нашим законам? Так можно ли говорить, что эта бескрайняя империя, эта верховная власть над народами, обретенная силами латинян, достигнутая нашими стараниями и распространенная нашим римским оружием, была дарована нам судьбой? Неужели мы признаем, что обязаны фортуне тем, чего добились благодаря своей доблести? Будем приписывать судьбе благоразумие и сдержанность Фабия, который в одиночку спас, благодаря своей тактике выжидания и уклонения, почти утраченную латинскую свободу; принципиальность Торквата, ради соблюдения воинской дисциплины не пощадившего своего сына, его же умеренность, в силу которой он довольствовался землепашеством и ставил честь выше золотых гор? Суровость Фабриция, бережливость Катона, твердость Горация Коклеса, выдержку Муция, благочестие и верность Регула, преданность Родине Курция и многие другие неслыханные и великие добродетели, столь славные у древних и пригодившиеся тогдашним итальянцам не меньше, чем их мечи и воинская мощь, когда они воевали с гордыми и непокорными народами в варварских землях и с помощью этих божественных качеств подчинили себе всех этих врагов латинского имени, свободы и славы? Согласимся ли мы с тем, что фортуна была покровительницей наших обычаев, что она смягчила нравы и обыкновения нашей благословенной родины? Разве безрассудной воле фортуны обязаны мы основанием империи, которую наши предки создавали, полагаясь скорее на доблесть, чем на удачу? Разве мы поставим в зависимость от изменчивости и произвола судьбы то, чего сами люди намерены добиваться с помощью твердых расчетов и отважных и великих дел? И может ли фортуна с ее непостоянством и неопределенностью рассеять и разрушить то, что мы препоручаем нашим собственным заботам и разумению, а не чужому безрассудству? С какой стати мы уступим фортуне то, что собираемся хранить и поддерживать со всем возможным прилежанием и старанием? Оно неподвластно фортуне, и, вопреки мнению некоторых глупцов, не так-то легко победить того, кто не хочет сдаваться. Фортуна держит под игом только тех, кто ей поддается.

Сколько раз фортуна всей своей силой и со всей злобой, со всей яростью и ненавистью заклятого врага обрушивалась на латинское войско при Каннах, Треббии, Тразименском озере¹, в Галлии, Испании и других странах и всячески старалась поразить римлян, чтобы сокрушить империю и покончить с нашей славой и со всей Италией, но та изо дня в день все возвышалась, украшая себя бесчисленными и удивительными триумфами. Не рассказать, как часто и коварно судьба противилась и вредила нам и в прежние времена и позднее, исполняя завистью к нам народы, племена и государей и рассеивая ненависть и враждебность к нам по

¹ В битвах при Треббии (218 г. до н. э.), Тразименском озере (217 г. до н. э.) и Каннах (216 г. до н. э.) во время 2 Пунической войны римляне потерпели поражения от Ганнибала.

всему миру. Однако ей никогда не удавалось смутить своим неистовством и дикими наскоками дух достойных латинских патрициев и сенаторов, которые побороли все трудности, укротили и подчинили себе все гордые народы, и обратили все страны мира в римские провинции, раздвинув границы нашей необыкновенной латинской империи за все доступные на Земле пределы. Таким образом, наши предки-латиняне умели противостоять любому вражескому натиску и выдерживать его, так что никакая злая судьба не могла помешать их мужественному духу и божественному разуму желать, быть в состоянии и уметь торжествуя расти и возвышаться. И если завистливая фортуна могла часто противостоять их успехам, ничто не могло отнять славу их доблести, и пока они считали украшением и лучшей защитой империи добродетельные поступки и добрые обычаи родины, судьба была к ним до конца благосклонной и снисходительной. Так что пока в этих возвышенных и совершенных душах царили великие и зрелые мысли, непреклонная и нерушимая верность отечеству, пока любовь к общественному благу перевешивала в них своекорыстие, а веления родины пересиливали зов алчности, им всегда сопутствовали победа, слава и удача.

Но как только тираническая похоть и частная выгода, как только несправедливые устремления превозмогли в Италии справедливые законы и благословенные обычаи, тотчас же латинская империя начала чахнуть и слабеть, лишаясь благодати, красоты и всех своих прежних сил, так что божественная латинская слава, некогда простиравшаяся и источавшая свое сияние за пределы Океана, затмилась и стала гаснуть.

А ты, благородная Италия, глава и твердыня всего мира, пока ты была едина, сплочена и готова пестовать добродетель, искать хвалы и завоевывать славу, пока твоей заботой и старанием было покорение гордецов, а также человеческое и правое руководство подданными; пока тебе удавалось не теряя присутствия духа противостоять всем напастям, и пока ты почитала за честь не отворачиваться с презрением от тяжких и многотрудных предприятий, но терпеливо справляться с ними; до тех пор, пока враги не сомневались в твоей доблести, друзья – в твоей верности, а побежденные – в твоем милосердии, ты могла сопротивляться фортуне и одолевая всех смертных, могла вводить у всех народов мира свои благословенные законы и устройство, и даже у пределов Индий тебе дано было водрузить сверкающие штандарты твоей беспримерной и свыше заслуженной славы, так что благодаря великому, могучему и отважному духу твоих сынов ты возбуждала уважение, любовь и страх наравне с богами. Но вследствие раздоров и гражданских распрей алтари и храмы твоей старинной добродетели тотчас же стали разрушаться, а твои латинские театры, некогда бывшие местом увеселений, игр и празднеств, украшенные горами вражеских доспехов, победных трофеев и множеством лавровых венков, наполнились горестью и сокрушением, увлажнились слезами, слышали жалобы и стенания. А варварские народы, самые удаленные племена, доставлявшие рабов, прежде смирявшие перед твоим лицом, Италия, свою гордыню и ярость и трепетавшие перед твоей властью, исполнились дерзости и стали вторгаться в твоё святейшее лоно и даже сожгли пристанище и сам древний престол империи всех империй.

И ныне, по вине ли чужих народов, по нашему небрежению присвоивших себе заслуженную нами славу, или потому что мы, латиняне, сами забыли о ней и отказались от нее, навряд ли найдется кто-либо, надеющийся вернуть утраченный нами имперский скипетр и увидеть на своем исконном месте, на своем священном и благословенном престоле, сиречь в Италии, пурпур и диадему, коих она, по нашей слабости, давно лишилась. Но кто скажет, что мы утратили наше неслыханное и необычайное величие и латинскую славу, покинувшие свое подлинное вместилище и средоточие, не по собственной вине, а стараниями других? Какое сонмище людей смогло бы противостоять тем, кто подчинил себе весь мир? И кто отказался бы нам подчиняться, если бы мы этого не захотели и не допустили? Итак, можно заключить, что судьба не может и не способна отнять у нас даже частицу нашей добродетели, зато довольно располагать доблестью, чтобы достичь всякой возвышенной и великой вещи, обширнейших владений,

наивысшей хвалы, вечной славы и бессмертной памяти. Не следует сомневаться, что нет такой любимой и желанной вещи, которую столь же легко заполучить, как добродетель. Ее лишен только тот, кому она не нужна. И если таковы свойства добродетели, мужественных обычаев и поступков, каковые достижимы для смертных настолько, насколько они того пожелают, если здравые суждения, благоразумие, сила, постоянство и упорство духа, разум, порядок и мера, полезные искусства и науки, беспристрастие, справедливость, прилежание и старание позволяют приобрести такую власть и вопреки козням фортуны взойти на высшие ступени славы, кто из вас, о юные Альберти, отважится, наблюдая изменчивость и непостоянство преходящих и бранных вещей, убеждать меня, что вещь, которую нельзя отнять у смертных и которую они могут принять и сделать своей по собственной воле и усмотрению, которой они уже и владеют, что эту вещь без особого труда можно отобрать у ее прилежных и бдительных обладателей, защищающих ее с превеликим мужеством? Итак, отныне будем придерживаться того мнения, которого, я полагаю, вы, как мудрые и благоразумные люди, и придерживаетесь, что в гражданских делах и в жизни людей куда больший вес имеет разум, нежели фортуна, осмотрительность, нежели случай. Если же кто-то понадеется больше на подарки судьбы, чем на доблесть, то его, по-моему, нельзя будет назвать ни мудрым, ни благоразумным. Тот же, кто признает, что изобретательность, достойные искусства, упорный труд, зрелая мысль, дозволенные упражнения, праведные устремления, разумные упования украшают, возвеличивают, сохраняют и обороняют республики и государей, и что благодаря им империи обретают славу, а без них лишаются всего своего величия и достоинства; кто убедится, что праздность, леность, похоть, коварство, алчность, беззаконие, сладострастие, жестокосердие и неудержимые людские страсти портят, разрушают и подрывают любую прочную, нерушимую и возвышенную вещь, тот, я думаю, поймет, что все вышеназванное необходимо для процветания государств и семей, и согласится, что несчастье последних скорее всего бывает вызвано их собственным неразумием и недостатком старания.

Поэтому, зная, что это происходит, когда процветающие семейства не знают меры и воздержания, или когда бедствующим недостает благоразумия, дабы найти опору и устоять, и тогда судьба безнаказанно накрывает и низвергает их своей океанской волной; и будучи уверенным, что неустанное попечение, забота и тщание отцов семейств, достойные обычаи, добрые нравы, человечность, доступность, обходительность приносят семьям счастье и многолюдство, я решил со всем старанием и усердием разузнать, как можно предостеречь отцов и всех членов семейств от ошибок, чтобы они были в состоянии достичь полного и совершенного счастья и никогда не зависели от происков и причуд фортуны. Все свободное время, если все прочие дела позволяли мне от них оторваться, я с радостью посвящал поиску заповедей, оставленных древними писателями и направленных к благу, почету и процветанию семейств; и отыскав множество таких превосходных поучений, я посчитал своей обязанностью собрать их воедино, дабы вы могли без труда найти их в одном месте и познакомиться с ними, а познакомившись, следовали им. Я думаю, когда вы вместе со мной еще раз прочитаете о поступках и репутации наших достойных предков и убедитесь в благонравии древних Альберти, вы согласитесь со мной и поймете, что как доблесть, так и судьба заключаются в вас самих. Читая написанное мной, вы с удовольствием узнаете о достойном образе жизни и обычаях Альберти в старину и, увидев, что наши прадеды всегда избирали благоразумные и уместные пути, последуете их примеру.

От них вы узнаете, отчего семьи становятся многолюднее, какие занятия приносят им блаженство и удачу, как они приобретают расположение, благосклонность и дружбу, какие правила обеспечивают и прибавляют семьям почет, известность и славу, и каким образом семейное имя завоевывает вечную хвалу и бессмертие.

Но не подумайте, что в своем самомнении я собираюсь толковать перед вами о таких необыкновенных вещах, которые еще не были доступны вашему разуму и здравомыслию; для

меня всегда было ясно и несомненно, что каждый из вас намного превосходит меня способностями, познаниями и знакомством со многими похвальными вещами. Но надеюсь, что это мое намерение не было пустым, потому что плод моих многодневных трудов скорее пригодится тем благочестивым юношам, которые придут после вас, чем вам, кого я мало чему могу научить и еще меньше наставить в вещах, известных вам лучше, чем мне. Однако я полагаю, что мои старания угодить вам не напрасны, ибо, если мой труд и не будет столь полезным, как мне того бы хотелось, для семьи Альберти, все же наградой мне будет, если вы его прочтете и перечитаете; более того, я почти это за величайшее вознаграждение, особенно если исполнится мое главнейшее желание, которое состоит только в том, чтобы во всем как можно более угодить и сделать вам приятное.

Итак, в глубине души я уверился, что Баттиста непременно доставит вам удовольствие, ибо изо дня в день я стараюсь всеми силами написать нечто полезное и приятное для вас из того немногого, что мне дано. Для меня это будет сильнейшим побуждением к тому, чтобы с помощью гораздо более ревностных стараний, более продолжительных бдений и более упорного прилежания новым, более утонченным и отшлифованным трудом оправдать ваши ожидания и получить ваше одобрение. Но только в том случае, если я увижу, что вы в должной мере оценили наказы наших предков Альберти, которые, как вы убедитесь, превосходны и достойны памяти; и если поймете, что я жажду истинной хвалы и искреннего прославления нашего рода Альберти, каковой всегда их заслуживал, и кому я, как прежде так и впредь посвящу все свои труды, умения, помыслы, намерения и желания. И я не пожалею и отдам до последней капли все свои силы и себя самого, ценой трудов и лишений, на благо и на пользу семейства Альберти, и сделаю это еще более охотно, с еще большей радостью и старанием, если увижу, что мои сочинения доставляют вам удовольствие. Поэтому я прошу и вас, молодые Альберти, поступайте вместе со мной и впредь, как поступаете теперь; работайте во благо, добивайтесь уважения, преумножайте известность нашего дома, и прислушивайтесь к тому, что, по словам наших предков Альберти, весьма прилежных, образованных и воспитанных людей, является семейным долгом и необходимо для исполнения, читайте и любите меня.

**Книга первая о семье: Об обязанностях
стариков по отношению к юношам и
младшему поколению и о воспитании детей**

LIBER PRIMUS FAMILIE:
DE OFFICIO SENUM ERGAIUVENES ET MINORUM
ERGA MAIORES ET DE EDUCANDIS LIBERIS

Когда наш отец, Лоренцо Альберти, слег в Падуе² в постель из-за того последнего тяжкого недуга, который свел его в могилу, на протяжении нескольких дней он страстно желал повидать своего брата Риччардо Альберти, и узнав, что тот скоро посетит его, сильно возрадовался и, более обычного приподнявшись на своем ложе, уселся на нем, всячески показывая, как он доволен. Мы все, постоянно находившиеся при нем, радовались вместе с ним, потому что увидели проблески надежды в испытанном Лоренцо, как нам казалось, необыкновенном облегчении. Там присутствовали Адовардо и Лионардо Альберти, весьма сострадательные и скромные люди, и Лоренцо обратился к ним примерно со следующими словами:

– Не могу выразить словами, сколь жажду я увидеть Риччардо Альберти, нашего брата, чтобы позаботиться вместе с ним о некоторых делах нашего семейства, а также поручить ему вот этих двух моих сыновей, Баттисту и Карло, о которых я думаю с болью в сердце, не потому что сомневаюсь в готовности Риччардо всячески помогать им и печься об их благе, но из невозможности исполнить перед смертью этот отцовский долг, и я не хотел оставлять неисполненной ни одну из своих святых и праведных обязанностей. Однако я прощусь с жизнью с легким сердцем, ибо буду настоятельно просить всех вас, и прежде всего Риччардо, чтобы вы помогли моим детям стать достойными людьми и для этого делали все то, что при необходимости вы сделали бы для своих.

Ему отвечал Адовардо, который был старше, чем Лионардо:

– Ты очень растрогал меня своими речами, Лоренцо! Я вижу, что ты преисполнен той же любви и жалости к детям, которую часто по разным поводам испытываю и я. Вижу также, что тебе хотелось бы, чтобы все прочие питали к нашим домашним такую же любовь, так же заботились о благе и чести нашей семьи, как это делал ты. Я думаю, что ты справедливо судишь о честности и надежности Риччардо, твоего брата не только по крови, но и по благочестию, человеколюбию, благодетельности. Трудно представить себе более кроткого, спокойного и воздержного человека. Но не сомневайся, что и всякий из нас в меру своих сил подражает ему; а в том, что затрагивает пользу и честь самого последнего члена рода, не говоря о твоих дражайших детях, мы стараемся заслужить славу твоих добрых и преданных родственников. Если же дружеские отношения крепче, чем родственные, то мы будем поступать как твои настоящие и искренние друзья. Все что тебе дорого, что дорого Лоренцо, которого каждый из нас любит, как себя самого, мы будем беречь и ценить насколько сможем и насколько ты захочешь. И всякий из нас охотно сделает все необходимое, а в данном случае без особого труда, ибо нам будет легко и приятно повести к славе и почету этих юношей, которые получили от тебя отменное напутствие и пример, как обрести славу и добродетель. Мы знаем, что они не обделены умом и природным характером, потребными для того, чтобы заявить о себе, так что помощь им будет делом приятным и благодарным. Однако Господь да сохранит тебя здоровым и счастливым, Лоренцо. Не падай духом и не считай, что ты уже лишился этих и других полезных качеств, пока не пробьет твой час. По-моему, тебе стало лучше, и я надеюсь, что ты сам сумеешь позаботиться о своей семье не хуже чем другие, как всегда прежде бывало.

ЛОРЕНЦО. Что ты говоришь? Да разве мог бы я относиться к тебе, Адовардо, и к тебе, Лионардо, иначе как с уважением, как к моим дорогим родичам и верным друзьям? Разве я могу представить, что вы не примете мои заботы близко к сердцу, как люди близкие мне по крови, чьей любовью и расположением я всегда чрезвычайно дорожил. Конечно, я предпочел бы не обременять вас своими просьбами. Правда, смерть меня не страшит, но притягательность жизни, удовольствие общаться и беседовать с вами и прочими друзьями, радость обла-

² Находясь в ссылке, Лоренцо жил сначала в Генуе, затем, во время эпидемии чумы, когда умерла мать его сыновей Баттисты и Карло, переехал в Венецию, а потом в Падую, где жили также его родственники Адовардо и Лионардо. Риччардо жил в Болонье. События, описываемые в диалогах, относятся к маю 1421 г.

дать тем, что у меня есть, заставляют меня сожалеть о расставании со всем этим. Я не хочу лишиться этих радостей раньше времени. Может быть, это было бы для меня не так тяжело и не так печально, если бы я мог сказать о себе, как говорил Юлий Цезарь: я прожил достаточно, чтобы считать свою жизнь долгой и счастливой. Но я не достиг того возраста, когда мысль о смерти не вызывает горечи³, и я не был так счастлив, чтобы не мог рассчитывать на большее везение. А самым большим везением, самым желанным счастьем для меня было бы, если не жить достойно в доме моего отца, то хотя бы умереть там и упокоиться меж моих предков! Однако если судьба этого не допустит, если естественный ход вещей иной или мне суждено выносить такие невзгоды от рождения, благоразумие требует терпеливо принимать то, что неизбежно. Конечно, я предпочел бы, дети мои, не покидать вас в этом возрасте и не отказался бы достичь более преклонных лет, хотя бы ради привычных мне трудов на благо и процветание нашего дома. Но если для моего духа уготовано другое назначение, я не собираюсь роптать и противиться тому, что произойдет независимо от моей воли. Пусть свершится со мной то, что Богу угодно.

АДОВАРДО. И я так думаю, что мысль о неизбежности кончины для смертных всегда помогала преодолеть страх расставания с жизнью.

Однако и болезнь, и слабость не должны вести к предвзятым суждениям, каковые помогают справиться с боязнью и отогнать сумрак смерти, но, по моему разумению, нарушают покой и безмятежность духа, погружая его в тревогу. Впрочем, в болезненном состоянии я, наверное, тоже не сумел бы от нее избавиться, обуреваемый мыслями о тех, кого я оставляю, о том, как уладить свои дела и кому поручить заботу о дорогих мне людях. Не знаю, кто мог бы отвлечься от подобных мыслей, и они, вероятно, не способствуют облегчению хода болезни. Но было бы похвально, Лоренцо, если бы ты настроился не так мрачно. Попробуй. Утешься, поверь в судьбу и, главное, в самого себя, и вместе с нами подумай о том, что твои дети, если мы не слишком обольщаемся на их счет, принесут тебе много радости.

ЛОРЕНЦО. Дети мои, добродетель всегда имела огромное преимущество: она похвальна сама по себе. Вы видите, как старшие хвалят вас за нее и сколь много вам обещают. Для вас будет самой высокой честью стараться изо всех сил и со всем своим умением оправдать их надежды. Но всякая добродетель возрастает в добронравных умах. Послушайте, Адовардо, и ты, Лионардо, быть может, то что я скажу, на деле не так; но для отцов естественно преувеличивать достоинства своих сыновей, так что с моей стороны не будет опрометчивым выказать в их присутствии для их же побуждения к добротолюбию, насколько мне приятно и радостно убеждаться в их достоинствах, ведь даже малая похвала в их адрес мне покажется огромной.

Справедливо и то, что я всегда всячески старался внушать окружающим приязнь, а не страх, так что почитающим меня за отца я не хочу казаться хозяином. Дети же всегда добровольно меня слушались, уважали и почитали, следовали моим внушениям, и я никогда не замечал в них никакого упрямства или дурных наклонностей. Меня всегда радовали их добрые нравы, которые обещали приносить изо дня в день все новые плоды. Всем известно, однако, сколь коварна пора юношества, когда любой изъян, оставшийся незамеченным вследствие стыда или боязни огорчить родителей и старших, со временем обязательно дает о себе знать.

А если юноши не испытывают боязни и уважения, их пороки изо дня в день усиливаются и умножаются, как вследствие внутренней испорченности и развращения их натуры, так и по мере усвоения дурных привычек и общения с дурными людьми. Есть тысяча способов превратить добронравного юношу в негодяя, как мы могли убедиться на примере чужеземных и наших собственных молодых людей, отпрысков самых добропорядочных граждан, с младенчества впитавших достойные обычаи, украсивших себя всеми признаками благопристойности, кротостью и обходительностью; однако позднее они покрыли себя дурной славой, я полагаю,

³ По косвенным данным можно заключить, что Лоренцо было немногим более 40 лет.

по небрежению тех, кто не указал им правильную дорогу. Тут я, впрочем, вспоминаю нашего отца, мессера Бенедетто Альберти, человека выдающегося по своему благоразумию, репутации и известности, каковой наряду с прочими вещами немало заботился о сохранении и умножении чести и благосостояния нашей фамилии. Когда он призывал других наших предков быть старательными и прилежными, что и было им присуще, то частенько говорил такие слова: «Удел отца семейства не только, как принято выражаться, наполнять домашние закрома и детскую; еще больше глава семьи должен быть предусмотрителен, должен следить и оберегать от дурных знакомств, наблюдать за поведением членов семьи внутри дома и вне его, и поправлять все их ошибки не столько сердитыми, сколько рассудительными речами, опираясь на свой авторитет, а не на родительские права; советовать, где это уместно, а не повелевать; при необходимости быть суровым, жестким и резким, и во всех своих помышлениях исходить из интересов блага, спокойствия и мира всей своей семьи, как из цели, к которой он должен устремлять все усилия и планы, дабы правильно вести семью к хвале и добродетели. Он должен научиться вести семейный корабль на волнах народного одобрения по ветру сочувствия своих сограждан в гавань достоинства, чести и уважения, и там оставаться, в зависимости от погоды ставя или убирая паруса, а во время шторма – если приходится испытывать превратности судьбы и терпеть кораблекрушения, каковые уже двадцать два года⁴ безвинно преследуют наш дом – завладеть умами молодежи и не позволять ей поддаваться наскокам фортуны, не давать ей опускать руки, но и не терпеть безрассудных и безумных затей, предпринимаемых ради мести или по юношескому легкомыслию. И в спокойные времена, когда фортуна благосклонна, а еще более во время бури не следует отклоняться от путеводной звезды разума и житейских правил, нужно быть начеку, заблаговременно рассеивать малейшие признаки зависти, сумрак ненависти, тучи враждебности на челе сограждан и встречать противный ветер, подводные камни и опасности, встречающиеся на семейном пути, подобно опытному и умелому мореплавателю, который помнит, при каком ветре плавали его предшественники, какие паруса они ставили, чтобы обойти и избежать мели, и не забывает, что в наших краях не было такого случая, чтобы кто-то поднял сразу все паруса, пусть даже самые большие, и потом не убрал их в весьма потрепанном и дырявом виде. Пусть глава семьи запомнит, что одно неудачное плавание хуже тысячи окончившихся в спасительной гавани. Зависть успокаивается там, где видна не роскошь, а умеренность; ненависть стихает, сталкиваясь с отзывчивостью, а не гордыней; враждебность гаснет, если ты вооружаешься не вспыльчивостью и гневом, а человечностью и милосердием. Все это семейные старейшины должны видеть и помнить, к этому стремиться душой и мыслью, все это они должны быть готовы предвидеть и распознать, приложить свой труд и усилия, заботу и старание к тому, чтобы молодежь изо дня в день становилась все более достойной, добродетельной и любезной нашим согражданам.

Да будет ведомо отцам, что добронравные сыновья станут для них опорой и радостью в любом возрасте, а добродетель сына заключается в усердии отца. Бездействие и праздность ведут к огрублению и позору семьи, а ревностные и заботливые отцы возвращают ей благородство. Алчные, распущенные, бесчестные и надменные люди обременяют семью дурной славой, несчастьями и бедами. Какими бы добропорядочными, кроткими, скромными и человечными ни были ее члены, но если они не постараются позаботиться о своей семье, не сумеют воспитать и направить на верный путь молодежь, пусть вспомнят, что падение одного приведет к крушению всех, и чем больше будет их значение, успех и чем выше положение в семье, тем сильнее отзовется на них этот провал. Чем выше стена, тем больше от нее осколков при падении. Поэтому пусть старейшие будут бдительны и трудятся на благо и честь всего семейства,

⁴ Вероятно, здесь ошибка, так как гонения начались в конце XIV в., и эту цифру (22 года) мог бы привести сам Лоренцо, но не его отец Бенедетто, от имени которого здесь идет речь. Он умер в изгнании в 1388 г., возвращаясь из путешествия в Святую землю, на о. Родос, но был похоронен во Флоренции, в соборе Санта-Кроче.

и пусть своими советами и поучениями держат его как бы в узде. Но что может быть похвальнее и благочестивее, чем труды, направленные на то, чтобы умерить юношеские аппетиты с помощью слов и увещаний, пробудить ленивые души, разжечь в холодных умах стремление к чести и возвеличению своего дома и своей отчизны. И мне кажется не менее достойным и доступным для отцов семейств делом сдерживание расхлябанности подростков своей серьезностью и повадкой; более того, если они захотят заслужить уважение своих младших сотоварищей, уместнее всего будет сохранять преимущества своего возраста, а именно авторитет и уважение. Но для стариков нет лучшего способа завоевать, приумножить и сохранить свое достоинство и авторитет, чем заботиться о молодежи, наставляя ее в добродетели, и всякий день украшать ее новыми знаниями, чтобы ее больше любили и ценили. Они должны пробуждать в ней жажду великих и превосходных дел, занимать ее изучением похвальных и пристойных занятий, разжигать в молодых умах любовь к славе и чести, пресекая любые неумеренные желания и недостойные порывы души, тем самым в корне устраняя порочные наклонности и семена враждебности, и наполняя добрыми советами и примерами. Не следует уподобляться тем старцам, которые по своей жадности стараются привить сыновьям хозяйственность, а вместо того делают их скупыми и угодливыми, потому что они ставят богатство превыше чести и приучают своих детей к грубым повадкам и низменным занятиям.

Я не одобряю щедрости, которая приносит убыток, не окупающийся доброй славой или дружбой, но еще более осуждаю скарденность, как и чрезмерную пышность. Итак, пусть старики будут родителями для всей молодежи, пусть вразумляют и одушевляют все семейное тело. Так же, как разбитая обувь или босые ноги ущемляют достоинство лица и посрамляют данную персону в целом, так и пожилые и все старшие члены семейства должны помнить, что их станут сурово укорять из-за распушенности самого маловажного представителя их дома, если он как-либо позорит и порочит всю семью. Пусть старики не забывают, что их первая обязанность – заботиться обо всех домашних, как поступали в прошлом достойные лакедемоняне, которые были отцами и покровителями всех младших, следили за правильностью поведения всех своих юных сограждан и испытывали превеликую благодарность, если кто-то другой воспитывал и поправлял их близких. Считалось похвальным, когда отцы благодарили любого, кто прилагал усилия, дабы сделать юношей более выдержанными и учтивыми, с помощью такого полезного и достойного исправления нравов они прославили свой город и заслуженно украсили его бессмертной хвалой. Ведь они не испытывали друг к другу никакой враждебности, потому что первые же признаки неприязни и раздражения немедленно раскрывались и пресекались, и все выражали единую волю к тому, чтобы их город сиял своей доблестью и нравами. Каждый прилагал к этому свои старания в меру собственных способностей, сил и рвения, старики своими внушениями, наставлениями и собственным похвальным примером, а юноши – послушанием и подражанием им».

Если эти и многие другие обыкновения, о которых часто упоминал мессер Бенедетто, необходимо соблюдать отцам семейств, если проявление заботы о воспитании юношества всегда приветствовалось не только в родителях, но и в других лицах, то навряд ли кто-то сочтет излишними старания любого отца, в том числе и мои, наставить всеми способами моих дорогих сыновей в доверии и милосердии к родителям, в наибольшей к ним любви и привязанности. Итак, дорогие дети, я считаю, что долг юношей – любить и слушать стариков, почитать их возраст и уважать старших как родителей, относиться к ним с подобающим вниманием и обхождением. С возрастом приходит долгая практика во многих вещах, понимание людских нравов, поступков и настроений; накапливается знание множества полезных приемов, о которых когда-то слышал, которые видел и обдумывал, и которые помогают справиться с любыми капризами фортуны. Отец наш, мессер Бенедетто, о котором я должен и стараюсь всегда помнить, ибо он стремился постоянно являть нам пример благоразумия и обходительности, находясь однажды с друзьями на острове Родосе, завязал с ними беседу о печальных и преврат-

ных судьбах нашего рода Альберти и о том, что наше семейство было уж слишком обижено фортуной. И отметив, что в некоторых из наших сограждан затеплились огоньки зависти и несправедливого негодования, в разговоре мессер Бенедетто предсказал, что в нашем городе произойдут многие события, кои уже не раз случались. Слушателям показалось удивительным, что он так явно предрекает вещи, которые на слух было трудно себе представить, и они попросили его объяснить, откуда взялись эти столь отдаленные прорицания.

Мессер Бенедетто, будучи человеком любезным и простым в общении, улыбнулся и, открыв часть головы надо лбом, показал собеседникам свои седины со словами: «Седые волосы делают меня столь благоразумным и предусмотрительным». Кто же усомнится, что пожилой возраст наделяет многими воспоминаниями о пережитом, приучает ум предвидеть и знать причины, направление и исход всяких дел, соединять происходящее сегодня с тем, что было вчера, и благодаря этому представлять себе, что может случиться завтра; а это предвидение подсказывает тебе разумные и уместные решения, и вместе с ними способы сохранять покой и благосостояние семейства, защитить его своей верностью и старанием от неожиданных напастей, а если удары судьбы уже сотрясли и покорежили его, – возродить и вернуть его к жизни с помощью душевной силы и мужества? Ум, осмотрительность и познания старцев наряду со старанием поддерживают семьи в счастье и благополучии, и украшают в сиянии и славе. Так кто же откажет старшим в величайшем уважении, если они хранят счастье своих близких, вооружают их в несчастье, помогают семье и украшают ее при любых обстоятельствах?

Таким образом, юноши должны почитать стариков, но прежде всего своих отцов, которые заслуживают этого как по возрасту, так и по всем качествам. От отца ты получаешь жизнь и множество способов обрести добродетель. Отец своим потом, стараниями и ухищрениями добивается того, чтобы ты в своем возрасте находился в определенном состоянии и благоденствовал. Если ты испытываешь чувство долга по отношению к тому, кто помогает тебе в нужде и бедности, какие же благодарные чувства ты должен испытывать к тому, кто, сколько мог, старался тебя оградить от всех лишений. Если ты должен делить со своим другом все мысли, все имущество и даже участь, переносить неудобства, тяготы и труды ради того, кто тебя любит, то еще больше это относится к твоему отцу, который тебе ближе всех и которому ты обязан более, чем самому себе. Если твои друзья и знакомые могут в значительной мере располагать твоим имуществом, добром и богатствами, то тем более отец, от которого ты получил если не эти вещи, то жизнь, и не только жизнь, но и пропитание на протяжении столь длительного времени, а если не пропитание, то существование и имя. Итак, юношам подобает делиться с отцами и старшими всеми желаниями, мыслями и соображениями, советуясь по всякому поводу со многими, а прежде всего с теми, кому они, как им хорошо известно, больше всего близки и дороги. Они должны охотно выслушивать их советы, продиктованные благоразумием и опытом, с радостью следовать наставлениям тех, кто богаче их годами и разумением. И пусть молодые люди не ленятся помогать всем старшим в их дряхлости и слабостях; они смогут рассчитывать на такую же поддержку и снисхождение со стороны своих младших сородичей, какую оказывали старшим сами. Так что пускай постараются со всем усердием и готовностью обеспечить им на старости лет покой, удобство и отдых. Пусть знают, что для стариков нет большей радости и удовольствия, чем видеть свою молодежь благонравной и заслуживающей любви. И конечно, самое большое утешение для них – видеть, что те, кто долгое время был для них средоточием всех надежд, воплощением всех их желаний и забот, заслужили благодаря своим нравам и добродетели любовь и уважение. Самая приятная старость – та, которая видит, что ее юноши избрали достойный и мирный путь. Добрые нравы всегда располагают к миру; добродетель всегда ведет к достойной жизни. Ничто не вносит в жизнь смертных такого смятения, как пороки. Поэтому старайтесь, о юноши, угодить вашим отцам и всем старшим во всем, в том числе и в том, что вам сулит славу и хвалу, а вашей родне – удовольствие, радость и веселье. Итак, дети мои, будьте добродетельны, избегайте пороков, уважайте старших, приобретайте

расположение, живите свободно, в довольстве, почете и любви. Первый шаг к почету – завоевать любовь и расположение; первый шаг к обретению любви и расположения – быть достойным и добродетельным; первый шаг к украшению себя добродетелью – ненавидеть пороки, избегать испорченных людей. Таким образом, следует всегда держаться общества достойных и уважаемых, и для усвоения добрых нравов всегда подражать их примеру и обычаю. Вы должны любить, почитать их и радоваться, если вас будут считать безупречными. Не будьте капризными, упрямыми, несговорчивыми, легкомысленными, тщеславными, но будьте доступными, уживчивыми, гибкими, серьезными и солидными в меру своего возраста; насколько можете, будьте со всеми любезны и как можно более почтительны и послушны по отношению к старшим. Обычно в молодых людях хвалят мягкость, человечность, воздержность и скромность; но почтение к старшим в молодых людях всегда ценилось и приветствовалось. Я скажу не для того, чтобы похвалиться, а чтобы перед вами были домашние примеры, о которых вам будет по душе услышать и которые легче запомнить, чем чужие. Не припомню, чтобы кто-то мог меня упрекнуть в том, что я сидел или стоял, не выказывая величайшего уважения к нашему брату Риччардо или другим старшим родственникам, если они там были. При стечении народа и в общественных местах, где присутствовали мои старшие сородичи, всякий мог убедиться, что я постоянно начеку и готов исполнить их приказания. Едва завидев их, я всегда обращался в их сторону и обнажал голову, дабы почтить их, и когда бы я их ни встретил, я бросал любое развлечение и любую компанию, чтобы быть со старшими, уважить и сопровождать их. Я никогда не покидал их и не уходил к моим молодым друзьям, не получив прежде от отца разрешения. Это мое обыкновение и послушание никогда не порицали не только старики, но и молодежь, а мне казалось, что так я исполняю свой долг; а поступая иначе, то есть не угождая старшим, не ценя их и не подчиняясь им, я заслужил бы упрек и бесчестье. Кроме того, я считал своим долгом всегда быть откровенным с Риччардо, советоваться с ним, почитать его как отца, потому что я чувствовал в душе обязанность чтить и уважать старших по возрасту.

Итак, я призываю вас быть почтительными к старшим и добронравными, насколько сможете. И не смотрите, дети мои, на то, что добродетель на первый взгляд кажется довольно суровой и обременительной, а отклонения от нее – заманчивыми и приятными, ибо между ними есть огромная разница: в пороке кроется не столько удовольствие, сколько сокрушение, он сулит меньше приятности, чем боли, от него исходит не польза, а всевозможный ущерб. В добродетели все наоборот, она полна изящества, красоты и радости, всегда тебе по душе, никогда не причиняет боли, никогда не пресыщает, с каждым днем становится все полезнее и приятнее. Насколько ты будешь более разумен и добронравен, настолько будешь ценим и хвалим, любим достойными людьми и доволен собой.

И если ты сумеешь всегда быть человеком и не захочешь отступать от человечности, то наверняка внутренне приблизишься к истинному счастью. Такова сила добродетели самой по себе, она дарует счастье и блаженство тому, кто во всех своих делах и помыслах старается соблюдать наставления и заповеди, позволяющие избегать пороков, дурных привычек и недостойных поступков.

Я, дорогие дети, принадлежу к числу тех людей, кто предпочел бы оставить вам в наследство добродетель, а не большое богатство, но это не в моей власти. Насколько это было мне доступно, я всегда пытался помогать вам усвоить те принципы и манеры, которые доставляют хвалу, благоволение и честь. Вы же должны правильно употребить свои способности, которыми, я полагаю, природа щедро и обильно вас наделила, и усовершенствовать их путем практического изучения достойных вещей и усвоения многих полезных наук и искусств. А состояние, которое я вам оставляю, вы должны истратить и применить таким образом, чтобы заслужить уважение и своих близких, и посторонних людей. Впрочем, у меня есть сильное подозрение, что вам, дети мои, будет иной раз меня не хватать; вам придется пострадать от

забот и печалей⁵, которых со мной вы могли бы избежать, ведь мне ведома власть фортуны над душами неопытных юношей, лишенных совета и помощи в ту пору, когда они наиболее уязвимы. Примером может послужить наш дом, члены которого в избытке наделены благоразумием, рассудительностью, опытом, твердостью, мужеством и упорством; и все же им довелось пережить неприятности, показывающие, сколь велика сила злой и бешеной фортуны, разрушающей все самые продуманные планы и опрокидывающей любые доводы рассудка. Но сохраняйте силу и стойкость духа. В беде проявляется добродетель. Ведь кто сумеет приобрести такую же славу и известность своей твердостью духа, постоянством, силой ума, изобретательностью и искусством в благоприятное и спокойное время, когда фортуна бездействует и отдыхает, как в годину бедствий и несчастий? Так что побеждайте фортуна терпением, побеждайте людскую испорченность научением в добродетелях, отвечайте потребностям времени рассудительностью и благоразумием, применяйтесь к нравам и обычаям окружающих со скромностью, человечностью и снисхождением, и главное, употребляйте все силы своего ума, таланта, опыта и знания на то, чтобы, во-первых, быть, а во-вторых, выглядеть добродетельными. Для вас не должно быть ничего дороже и желаннее, чем добродетель; знание и мудрость вы должны предпочесть всему остальному, тогда любые подарки судьбы покажутся вам мало значащими. В ваших помышлениях первое место займут честь и слава, вы никогда не станете ценить богатство выше хвалы, и ради обретения уважения и почета не побоитесь взяться за самое трудное и непростое дело, не ожидая другой награды за ваши усилия, кроме доброго слова и похвалы. Не сомневайтесь, что доблесть всегда приносит свои плоды и не бойтесь упорно и настойчиво изучать достойные искусства, исследовать похвальные и редкостные вещи, осваивать и запоминать полезные науки и теории, ибо запоздалый должник часто приносит большую прибыль.

Мне бы еще хотелось, чтобы с самого младенческого и нежного возраста вы как следует приготовились и научились переносить выпадающие на людскую долю несчастья и противостоять им. Я оставляю вас сиротами, в изгнании, вдали от отчизны и родного дома. Великой хвалой для вас будет, дети мои, если в таком нежном и уязвимом возрасте вы хотя бы отчасти сумеете встать над суровыми и неблагоприятными обстоятельствами, а в более зрелые годы вы восторжествуете над собственной судьбой, если при всяком повороте событий не устраситесь фортуны и преодолеете ее неприязнь. И отныне учтите, что чем больше в вас будет привязанности, заботы и любви к достойным и почетным делам, тем реже вы станете жалеть о моем отсутствии, а тем более о недостатке помощи со стороны других смертных. Кто наделен добродетелью, тот мало нуждается в содействии извне. Тот, кто умеет довольствоваться одной лишь добродетелью, тот обладает несметными богатствами, великим могуществом, необыкновенным счастьем.

Блажен тот, кто украшен добрыми нравами, располагает друзьями, наделен благосклонностью и милостью сограждан. Самая прочная и долговечная слава выпадает на долю того, кто посвятил себя приумножению известности и репутации своего отечества, семьи и сограждан. Только тот удостоится памяти потомков, заслужит у них бессмертную хвалу, кто обо всех прочих преходящих и хрупких вещах станет судить соответственно, презирая и не заботясь о них, а возлюбит лишь добродетель, устремится лишь к мудрости, возжелает лишь незапятнанной и праведной славы. Вот в чем должны вы упражняться, дети мои, в добродетели, в полезных искусствах, в похвальных науках, и приложить все усилия, чтобы не обмануть ожиданий и надежд своих семейных. Так и поступайте, старайтесь всеми честными способами, трудами и усилиями, умением и прилежанием заслужить их похвалу и расположение, а также благосклонность, уважение и авторитет у всех прочих; у внуков же и у их потомков останется память о вас, о ваших знаменитых словах, поступках и делах.

⁵ Предсказание задним числом

Не падайте духом. Здесь присутствуют Адовардо и Лионардо, придет и Риччардо; они, я надеюсь, о вас позаботятся. Я знаю, что все члены нашего дома Альберти по природе очень добры, и никто из них не пожелает прослыть жестоким и бессердечным, не оказав помощи своим, тем более если вы станете практиковать добродетель. И прошу вас, Адовардо и тебя, Лионардо, вы видите, что эти юноши молоды, сознаете опасности юного возраста, дорожите честью и благом нашего дома; поэтому позаботьтесь о них, пусть каждый из вас приложит все усилия для этого. Всякий обязан стремиться к тому, чтобы в его семье подрастали добродетельные и славные умы. Для чего считается правильным удостаивать ушедших из жизни надгробиями, устраивать им пышные и ненужные для покойных похороны, как не ради похвалы и одобрения благочестия и чувства долга живых? Если вы с этим согласны, то не гораздо ли важнее почитать и украшать живых, помогать им, подталкивать вперед и выставлять на обозрение и одобрение всей семьи? Впрочем, я не хочу, чтобы мои слова были поняты как превознесение достоинств этих моих двух сыновей, но вы должны будете доказать, что моя просьба, с которой я сейчас обращаюсь, пошла им на пользу, когда меня не станет».

Так сказал Лоренцо. Адовардо и Лионардо молча слушали его, не прерывая. В это время вошли врачи, которые дали Лоренцо совет немного отдохнуть, что он и сделал. Он улегся, а мы вышли в залу. «Невозможно понять, – сказал Адовардо, – сколь велика и сильна родительская любовь к детям, пока сам ее не почувствуешь. Вообще любовь обладает немалым могуществом. Известно множество случаев, когда люди только для того, чтобы показать свою верность и заботу о любимых, жертвовали своим имуществом, временем и всем состоянием, терпели крайние трудности, убытки и риск. Говорят, что из привязанности к любимому предмету некоторые даже не могли оставаться в живых, видя, что они его лишились. История и людская память полны примеров, доказывающих власть подобных страстей над нашей душой. Но нет сомнения в том, что самая прочная, постоянная, бескорыстная и сильная любовь – это любовь отца к детям.

Я согласен с Платоном в том, что душу и тело смертных вдохновляют четыре глубоких страсти, которые склоняют их к пророчеству, богослужению, поэзии и любви. Из них само по себе Венерино влечение кажется мне наиболее бурным и необузданным. Но нередко бывает, что оно стихает и пропадает вследствие отвращения, разлуки, нового желания и по другим причинам, и почти всегда оставляет после себя враждебность. Не буду спорить и с тем, что истинная дружба неразлучна с безупречной и сильной любовью. Но по-моему, не существует более сильной, нежной и пылкой душевной привязанности, нежели та, которая коренится и рождается по воле самой природы в умах отцов, не так ли?»

ЛИОНАРДО. Мне не подобает судить о том, насколько велика душевная привязанность отцов к своим детям, ибо мне, Адовардо, неизвестна эта радость и удовольствие – иметь потомство. Но если строить предположения, глядя со стороны, то с твоим суждением можно согласиться и утверждать, что отцовская любовь – во многих отношениях – чрезвычайно велика; впрочем, мы только что видели, с каким рвением и нежностью Лоренцо препоручал нам своих сыновей вовсе не потому, что сомневался в наших добрых к ним чувствах, о которых прекрасно знает, но под действием отеческой любви, ибо самый заботливый, пытливый и благоразумный человек не сумеет проявить столько внимания и чуткости к чужим детям, сколько хотелось бы их любящему отцу. Но по правде говоря, слова Лоренцо тем более тронули меня, что я считаю надзор и уход за младшим поколением в семье естественным долгом. Поэтому я временами не мог сдержать слезы. Я видел, что ты задумался, и мне казалось, что в отличие от меня, ты глубоко ушел в свои мысли.

АДОВАРДО. Так оно и было. Каждое слово Лоренцо отзывалось во мне сочувствием и участием. Я думал о том, что я тоже отец, и не отнестись к детям моего друга, моего любезного родственника, к тем, кто должен быть дорог мне по крови, а тем более по просьбе их отца, как к своим собственным, было бы с моей стороны, Лионардо, поступком поистине не дружеским

и не родственным, а жестоким, коварным и низким, я бы заслуживал за него хулы и бесчестия. Но кто же не испытает жалости к своим питомцам? У кого не будет постоянно перед глазами отец этих сирот, твой друг, с его последними словами, запечатленными в твоём сердце, которыми твой друг и родственник на смертном одре завещает тебе самое дорогое, что у него есть, своих сыновей, доверяясь тебе и оставляя их в твоей власти? Я, дорогой Лионардо, настолько преисполнен таким чувством, что скорее предпочту лишиться чего-то своих, чем допущу, чтобы эти дети испытали в чём-либо недостаток. О нуждах своих близких буду знать только я сам, а о бедствиях тех, кого я опекаю, сможет судить всякий добрый, милосердный и порядочный человек. Итак, наш долг позаботиться об их репутации, чести, благоденствии и нравах. Я считаю так: кто из скупости или небрежения бросит на произвол судьбы талант, рожденный и способный заслужить одобрение и почет, тот достоин не только осуждения, но и сурового наказания. Если весьма непохвально не побережешь, не содержать в чистоте и порядке быка и кобылу, если предосудительно по своей небрежности погубить самую бесполезную скотину, то разве не следует самым серьезным образом осудить того, кто покинет человеческую душу в тяготах и печали, в бесчестии, кто стерпит ее унижение и допустит по своей вялости и скудости, чтобы она погибла? Разве его не сочтут несправедливым и бесчеловечным? Ах! остерегайся быть таким жестоким, побойся наказания Господня, прислушайся к народной поговорке, которая мудро гласит: «кто не уважает чужую семью, не поможет и своей».

ЛИОНАРДО. Я уже отчасти чувствую, как хлопотно быть отцом. По-моему, слова Лоренцо растрогали тебя куда сильнее, чем я думал. Твое рассуждение увлекает меня, видимо, в сторону твоих мыслей о собственных детях. Пока ты говорил, я задался вопросом, что же важнее: забота и внимание отцов к сыновьям или удовольствие и радость воспитания детей. Я не сомневаюсь, что это трудное дело, но оно, вероятно, не в последнюю очередь способствует тому, что дети становятся для родителей еще дороже. Ведь от природы каждый творец склонен любить свои произведения, и художник, и писатель, и поэт; а тем более, наверное, отец своих детей, потому что они больше в нем нуждаются и он затрачивает на них больше трудов. Все хотят, чтобы их творения нравились, чтобы их хвалили, чтобы они оставили по себе вечный след.

АДОВАРДО. Ну да, на что ты положил больше сил, то тебе и дороже. Однако природа вложила в отцов какую-то особую потребность, необыкновенное желание иметь и воспитывать детей, а затем радоваться, видя в них свой образ и подобие, воплощение всех своих надежд, а также в старости ожидать от них надежной помощи, отдохновения в пору слабости и утомления. Но если все хорошенько рассмотреть и обдумать, то окажется, что невозможно вырастить детей, не испытав множества всяческих неприятностей, что отцы всегда пребывают в тревоге, как добрый Микион у Теренция, волновавшийся из-за того, что его сын еще не вернулся⁶. Какие мысли рождались в его голове? Какие подозрения роились в его душе? Какие страхи его преследовали? Он боялся, как бы его сын где-нибудь не упал, не разбил, не сломал себе какую-нибудь часть тела. Ба! Люди больше думают о том, что им дорого, так и с нами бывает. В душе мы всегда остерегаемся и боимся настоящего, а о будущем мыслим со страхом и осторожностью, если нам предстоит направить свое потомство на верный путь. Но если бы природа не вложила в родителей эту тревогу и заботливость, я полагаю, мало кто из отцов не пожалел бы, что у него есть дети. Посмотри на птиц и животных, подчиняющихся только велениям природы, сколько усилий они тратят, строя гнезда, выкапывая норы, производя на свет детенышей, они исполняют свой долг и сторожат, защищают и блюдают новорожденных, бродят в поисках корма и пропитания для своих малышей, и выполнение всех этих и многих других хлопотливых обязанностей, кои сами по себе тяжелы и обременительны, облегчает нам долг при-

⁶ Теренций. Братя. Акт I, сцена I. Я вот – не вернулся сын — Чем не встревожусь! Что не передумаю! Не простудился б! Не упал бы где-нибудь Да не сломал чего-нибудь себе! Пер. А. В. Артюшкова.

роды. То, что показалось бы тебе неприятной и излишней задачей, для нас, отцов, как видим, является желанной, подходящей и легкой ношей, ибо это наша естественная потребность. Но разве это относится только к детям, а не ко всем прочим вещам? Во всем, что относится к жизни смертных, хорошего заложено не больше, чем плохого. Считается, что в богатстве много пользы и нужно к нему стремиться, но богатые знают, сколько хлопот и огорчений оно несет с собой. Властителей уважают и боятся, однако всем известно, что они живут в страхе и подозрениях. Похоже, что всякой вещи соответствует ее противоположность: жизни – смерть, свету – мрак, и одного без другого не бывает. Так и с детьми, которые приносят столько же надежд, сколько и отчаяния, столько же радости и веселья, сколько печали и горести. Не спорю, чем дети старше, тем больше от них удовольствия, но одновременно и грусти. А в человеческих душах сильнее отражаются несчастья, чем удачи, боль и скорбь сильнее, чем наслаждение и веселье, потому что первые поражают и угнетают, а вторые только слегка щекочут. Ты вынужден постоянно думать о детях в любом возрасте, начиная даже с пеленок, хотя больше хлопот они доставляют, когда подрастают, и в отрочестве требуют еще несравненно больше ухищрений; но гораздо больше заботы и внимания нужно, когда они взрослеют. Так что не сомневайся, Лионардо, отцовские обязанности не только хлопотны, но и полны огорчений.

ЛИОНАРДО. Я думаю, что с родителями происходит то же, что и со всеми. Мы видим, что природа всегда старается дать возможность своим созданиям выжить с помощью тех, кто произвел их на свет и от кого они получают пропитание и помощь, чтобы встать на ноги и проявить свои способности. У деревьев и растений корни собирают и передают питательные вещества стволу, ствол – ветвям, ветви – листьям и плодам. Точно так же и для отцов естественно всё отдавать для вскармливания и поддержания рожденных ими отпрысков. Я уверен, что ваш отцовский долг – забота и попечение о том, чтобы вырастить свое потомство. Не стану теперь спрашивать тебя о том, является ли эта забота природной потребностью отцов или она возникает и вырастает из той радости и надежд, которые отцы испытывают, глядя на своих детей. Ведь нередко одному из сыновей отдают предпочтение перед другим, если первый ему кажется более многообещающим, и тогда отец старается лучше его наряжать, быть к нему щедрее и больше угождать ему. И в то же время всякий день можно видеть, как сыновья, которыми пренебрегают их родители, совершают далекие странствия, перебиваются в грязи и в лохмотьях, подвергаясь лишениям и опасностям, и что самое неприятное для отцов, закосневают в пороках. Но сейчас в наши намерения не входит исследование начал, развития и целей всякой любви. Не станем также выяснять, почему отцы неодинаково любят всех своих детей. Ты мог бы заметить, что порочность происходит от испорченности природы и извращенного ума. Поэтому сама природа, которая во всем стремится к совершенству и согласию, лишает порочных сыновей подлинной любви и обделяет их привязанностью отцов. Но может быть, отцы сумеют заслужить с помощью своих сыновей большую похвалу, если не станут держать их дома в бездействии и лени; впрочем, если ты пожелаешь ответить мне, рассуждение слишком затянется. Тут я замечу, не ради спора с твоим утверждением, что дети несут отцам превеликие огорчения уже с пеленок, но для уточнения: я не вижу, чтобы мудрый отец должен был не только огорчаться, но и заботиться о многих вещах, в первую очередь о тех, которые являются предметом заботы женщин, кормилиц, матерей, а не отцов. Я полагаю, что в младенческом возрасте детей нужно предоставить нежному женскому уходу, а не мужскому воспитанию. Что до меня, я принадлежу к тем, кто не считает нужным без конца теребить малышей и не хотел бы, чтобы отцы, как это иногда бывает, играли с ними. Глупо не замечать, каким неисчислимым опасностям подвергаются младенцы в грубых отцовских объятиях, в которых искривляются и портятся их мягкие косточки и маленькие тельца, потому что очень трудно сжимать и поворачивать их, не повредив и не затронув какой-нибудь части, остающейся впоследствии в таком ущербном состоянии. Итак, пусть новорожденные остаются недоступными для отцовских объятий и дремлют на руках у мамы.

Возраст, который наступает после младенчества, несет с собой много радости, малыши вызывают смех у окружающих и уже начинают лепетать и высказывать свои желания. Все домашние прислушиваются к их речам, все соседи передают их, обсуждают как праздничные события, перетолковывая и одобряя то, что говорят и делают дети. В это время, как весной, зарождаются многочисленные добрые надежды, слова и поведение ребенка демонстрируют признаки тончайшего ума и глубочайшей памяти, поэтому все согласны в том, что дети в этом возрасте служат утехой и забавой для отцов и стариков. Не думаю, чтобы отыскался такой занятией и озабоченный делами отец, который не получал бы удовольствие от общения со своими малышами. Достойный Катон, которого в древности прозвали мудрым, за то что он был во всем тверд и последователен, в течение дня, как рассказывают, часто прерывал свои важные государственные и приватные занятия и возвращался домой, чтобы посмотреть на своих маленьких детей, потому что для него отцовство не было докукой или обузой и он находил отраду в том, чтобы слушать их лепет и смех, наслаждаться их бесхитростными и милыми повадками, которыми отличается этот нежный и чистый возраст. Если это так, Адовардо, если отцовские заботы невелики и сопряжены с удовольствием, несут с собой любовь, добрую надежду, праздник, смех и забавы, в чем же тогда ваши огорчения? Мне было бы полезно знать ход твоих рассуждений.

АДОВАРДО. Я был бы очень рад, если бы ты узнал его так, как отчасти знаю я, на собственном опыте. Так грустно думать о том, что многие молодые Альберти остаются без наследников, тем самым уклоняясь от увеличения нашего рода и умножения числа его членов. Что это значит? Что несколько дней назад я насчитал ни много ни мало как двадцать два молодых представителя нашей семьи, живущих в одиночестве, без жены, – младшему из них нет еще шестнадцати, а старшему больше тридцати шести. Конечно, я огорчаюсь и вижу, сколь великий убыток наносит нашей фамилии недочет в потомстве, которого следовало бы ожидать от молодежи; я считаю, что лучше вытерпеть любые неприятности и трудности, чем видеть, как наша семья оскудевает, за неимением тех, кто мог бы встать на место и заменить отцов. И так как я хочу, чтобы ты, как и подобает по твоей репутации, одним из первых обзавелся похожими на тебя наследниками и преумножил род Альберти, то мне не хочется настаивать на том, что может породить сомнения и отвратить тебя от этого. А я мог бы очень близко познакомить тебя с немалыми и весьма суровыми огорчениями, которые подстерегают отцов, в каком бы возрасте ни находились их дети, и ты убедился бы, что малыши сулят любящим отцам не только игры и смех, но часто печаль и слезы. Ты также не смог бы отрицать, что немалые неприятности и заботы достаются на долю отцов задолго до того, как дети принесут нам веселье и радость. Заранее приходится думать о том, как найти подходящую кормилицу, затратить много усилий, чтобы заполучить ее вовремя, проверить, чтобы она была здорова и благонаравна, приложить старания и ухищрения, чтобы найти такую, которая будет свободной, не занятой и лишенной недостатков и изъянов, портящих и заражающих кровь и молоко. Кроме того, она должна быть приличной и не скандальной. Было бы слишком долго рассказывать, сколько осмотнительности должен проявить в свое время каждый отец, сколько трудов положить, прежде чем найдет подходящую честную, достойную и пригодную няньку. Ты бы, наверное, не поверил, сколь огорчительно и досадно не найти ее вовремя, или найти негодную, потому что похоже, чем больше нужда, тем труднее ее удовлетворить. Знаешь, какие опасности таит в себе нездоровая и распутная кормилица: проказу, эпилепсию и все те тяжелые недуги, которые, как известно, могут передаваться при кормлении грудью; тебе известно, как редко встречаются хорошие кормилицы и как велик на них спрос. Но к чему углубляться в эти мелкие подробности? Я ведь предпочитаю, чтобы ты знал, что на самом деле дети являются для отцов величайшим утешением, ты видишь, как малыши весело окружают тебя, умиляешься всем их речам и поступкам, преувеличиваешь их значение и строишь великие планы. Пожалуй, одна вещь может отравить эти радости и заронить гораздо большую тревогу в твоей

душе. Подумай сам, как тяжело слышать детский плач, если ребенок упадет и сломает руку, как неприятно отцу сознавать, что в этом возрасте погибает больше детей, чем в любом другом. Подумай, как трудно ожидать, что ты в любую минуту можешь лишиться своего наслаждения. Мне даже кажется, что с этим возрастом сопряжено больше всего опасных болезней, только он угрожает оспой, корью, краснухой, постоянным несварением желудка, ребенок то и дело лежит в постели, изнемогает от всяких недугов, которые тебе незнакомы и о которых эти малыши даже не могут тебе рассказать, так что ты преувеличиваешь серьезность всякой мелкой хвори, и не веришь, что можно найти подходящее лекарство от неизвестного заболевания. В общем, самое малое недомогание детей отзывается в отцовской душе величайшей болью.

ЛИОНАРДО. Тебе было бы приятно, Адовардо, если бы я не мог уже сказать, подобно другим, о себе, как о счастливейшем человеке: «Я никогда не был женат». Ведь ты знаешь, что я весьма склонен к такому поступку, и думаю, тебя несколько не огорчает, что мне уже все уши на эту тему прожужжали. Я вижу, ты не против того, чтобы люди, которым не о чем со мной говорить и которые не находят слов и предметов для обсуждения, заводили беседу о том, что хорошо бы мне жениться, и проливали реки красноречия, доказывая пользу и преимущества брака, важность этого первозданного института для общества, необходимость обзавестись наследниками, умножить и увеличить семью, и при этом говоря: «возьми ту или эту, ты не найдешь девицу с большим приданым, более красивую или родовитую». Эти напыщенные речи, предназначенные для того, чтобы заронить во мне желание расстаться со своей свободой, вызывают у меня справедливое возмущение. Тем не менее, я сам хотел бы в скором времени обзавестись женой и мне было бы приятно иметь детей, чтобы у тебя не было передо мной преимущества, которое не дает мне спорить с тобой, опираясь на опыт, а не только на отвлеченные доводы. Господу известно, как и тебе, насколько я горю желанием и сколько раз мы пытались вместе с тобой и с другими найти что-нибудь подходящее. Но, конечно, я чувствую, как мне мешает наша общая беда. Те девицы, которые на твой вкус подходят, мне не нравятся. Те, от которых я бы не отказался, вас как будто бы никак не устраивают, так что больше всего я хочу не столько сохранить свое место в семье после себя и увековечить свое имя, сколько у меня возникает желание избавиться от досадных приставаний всех друзей и знакомых, не знаю почему завидующих моей свободе и холостому состоянию. Но боюсь, как бы со мной не случилось, как с тем священным источником в Эпире, описанным древними, в котором зажженное полено погасло, а холодное и погасшее загорелось. Поэтому вам лучше, наверное, оставить меня в покое и подождать, пока я не воспламенюсь сам, а если вы считаете, что ваши речи могут на меня подействовать, то я советую вам дожидаться, чтобы мое горячее желание жениться остыло.

Однако довольно мы посмеялись. Если бы у меня были дети, я не стал бы тратить силы на поиски кормилицы вместо их собственной матери. Фаворин, философ, выведенный Авлом Геллием, и другие древние считают материнское молоко самым лучшим. Правда, врачи утверждают, что кормление отнимает силы и иногда вызывает бесплодие. Но я предпочитаю думать, что природа хорошо обо всем позаботилась, и отнюдь не без оснований следует полагать, что, как мы видим, одновременно с полнотой растет и умножается обилие молока, то есть сама природа удовлетворяет нашу нужду и как будто подсказывает, каков долг матерей по отношению к детям.

Я бы позволил себе отступить от этого правила, если бы женщина лишилась сил вследствие какой-либо неприятности: тогда бы я, как ты советуешь, постарался найти хорошую, опытную и благонравную кормилицу, но не затем, чтобы оставить мать в покое и освободить ее от этой природной обязанности перед детьми, а для того, чтобы обеспечить ребенка более здоровым питанием. Я думаю также, что помимо названных тобой болезней, вызываемых испорченным молоком, неблагонравная и распущенная нянька может повлиять на характер ребенка, развить в нем дурные наклонности и заронить в его душе такие вредные и грубые свойства,

как раздражительность, пугливость, необщительность и тому подобные. Мне кажется, если кормилица будет сама по себе вспыльчивой, либо станет горячить и воспалять свою кровь крепким и неразбавленным вином, то дитя, получающее от нее такую разогретую и воспаляющую пищу, легко усвоит и склонность к гневливости, жестокости и скотству. А недовольная, злобная и сердитая кормилица может сделать ребенка ленивым, расслабленным и робким, ведь в раннем возрасте эти влияния очень сильны. Мы видим, что если деревце не получает необходимого питания и достаточного количества воздуха и влаги, требуемых для роста, оно начинает увядать и сохнуть. Известно, что маленькая ранка наносит молодому побегу больше вреда, чем сугубые переломы многолетнему дереву. Следовательно, в этом нежном возрасте нужно особенно следить, чтобы питание было высочайшего качества. Поэтому требуется найти веселую, опрятную няньку, без малейших нарушений или раздражений в крови и в темпераменте; чтобы она была скромной, умеренной во всем и порядочной. Все это, как ты уже говорил, редко встречается в кормилицах, так что ты должен согласиться со мной: родная мать всегда будет умереннее и добронравней, чем чужая тетка, то есть во всех отношениях лучше подойдет для кормления своих детей. Не буду долго доказывать, что мать станет воспитывать ребенка с большей любовью, отдачей, прилежанием и старанием, чем нанятая за плату нянька. Не стану также объяснять тебе, какую любовь питает и хранит мать к своему дитяти, которое было выращено и вскормлено в ее лоне. Впрочем, если все же понадобится найти кормилицу и позаботиться обо всем том, что было говорено выше, – а при наличии родной матери это бывает редко – то мне кажется, дело не составит большого труда. Пожалуй, многие люди с охотой берутся за куда менее важные задачи, чем сохранение здоровья ребенка, вещь похвальную и обязательную. Но знаешь, эти твои страхи и сомнения по поводу того, что в младенческом возрасте многие умирают, мне представляются мало похвальными. Пока в ребенке теплится жизнь, лучше надеяться, а не отчаиваться. И не так уж серьезны недомогания малышей, как может показаться. Вчера он лежал в постели истомленный и чуть ли не прощался с жизнью, сегодня он бодр и крепок, все ему интересно. А если Господу будет угодно прервать течение дней твоего ребенка на каком-то году, я полагаю, отцу подобает скорее вспоминать о тех радостях и утешениях, которые он получил от сына, и благодарить за них, вместо того чтобы сокрушаться из-за того, что подаривший жизнь забрал ее обратно. Хвалят старинный ответ Анаксагора, который будучи благоразумным и мудрым отцом, узнав о смерти сына, сказал с подобающей рассудительностью и терпением, что он породил на свет смертного и что он может смириться с известием о смерти того, кто рожден, чтобы умереть.

Но найдется ли столь неотесанный и неграмотный глупец, который не знает, что как мертвое существо обязательно раньше было живым, так и живое должно в определенный срок ожидать своей кончины?

Скажу тебе даже такую вещь, Адовардо, что отцы по этому поводу не то что должны радоваться, но по меньшей мере не так уж и расстраиваться, если дети умирают, не закоснев в пороках и не испытав всех тех страданий, кои присущи жизни смертных. Нет ничего труднее, чем жить, поэтому блажен кто избавился от этих тягот и окончил свои дни молодым, в доме отцов у нас на родине! Счастлив, кто не испытал наших невзгод, не бродил по чужим странам, униженный, безвластный, в рассеянии, вдали от родных, друзей и близких, презираемый, отвергнутый, гонимый и ненавидимый теми, кто с нашей стороны видел только любезность и почтение! Как несчастливы мы, встречая в чужих землях помощь и некоторое утешение в наших бедствиях, находя у иностранцев сочувствие и снисхождение к нашему горю, и только у наших сограждан на протяжении столь длительного времени не будучи в состоянии вымолить никакой милости! Без вины мы объявлены вне закона, без оснований гонимы, без жалости отвергнуты и прокляты!

Но о чем я толкую? Всякий возраст подвержен многочисленным серьезным и тяжелым недугам не меньше, чем младенчество, ведь не станешь же ты утверждать, что взрослые и

пожилые люди с их подаграми, приступами, коликами и прострелами здоровее и живее прочих. Ты же не думаешь, что лихорадки, боли и зараза менее опасны для крепких и сильных молодых людей, чем для детей? А если окажется, что какой-то возраст более уязвим для названных болезней, то разве не будет в том вины отца, который не проявил должной умеренности и благоразумия? И не покажется ли тебе глупым терзать себя опасениями и сомнениями там, где у тебя нет никакого выбора?

АДОВАРДО. Я не хочу с тобой спорить и вдаваться в такие тонкости. Согласен, что неразумен тот, кто страшится неизбежного. При всем том ты не должен считать меня помешанным, хотя я зачастую испытываю страх за своих детей, или уж согласись, что все отцы – безумцы, потому что ты не найдешь ни одного, который не беспокоился бы и не боялся потерять своих любимцев. Кто осуждает такое поведение, тот хулит само отцовство. Вот к чему я клоню, Лионардо. Пусть отцы, если это возможно, будут уверены, что их дети пребудут в здоровье и процветании до самой старости; пусть они вознамерятся увидеть внуков своих внучат, как их увидел, по словам писателей, божественный Цезарь Август; пусть их не тревожат поражающие их потомство известные тяжкие недуги, иной раз изнуряющие и непереносимые как сама смерть, и пусть каждый отец рассчитывает уподобиться сиракузскому тирану Дионисию, который до шестидесяти лет ни разу не устраивал похорон ни детям от своих трех жен, ни своим многочисленным внукам; и пусть отцам будет дана власть над жизнью и смертью их детей, которая была дана Алтее – боги отпустили ее сыну Мелеагру столько жизни, сколько будет гореть головешка, в досаде брошенная ею в огонь, так что когда полено сгорело, жизнь Мелеагра окончилась. Все равно, и тогда дети будут для отцов источником треволнений.

ЛИОНАРДО. Мне кажется, лучше послушать тебя, хотя ты не хочешь спорить, чем поведать кому-то еще, от кого я захотел бы узнать о причинах, почему он так говорит. Но я, пожалуй, вижу, кого ты мог бы привести в пример – многих не очень разумных отцов, которые усердствуют и растрачивают всю свою жизнь в изнурительных занятиях, в долгих странствиях и великих трудах, живут в рабстве и лишениях, чтобы их наследники могли жить в праздности, увеселениях и роскоши.

АДОВАРДО. Я знаю, что ты не относишь меня к тем, кто постоянно копит добро для своих детей, хотя фортуна в любой момент может лишить жизни не только наследников, но и самого приобретателя. Разумеется, мне было бы приятно оставить своих детей богатыми и благоденствующими, а не бедными, и я очень хочу и стараюсь, насколько в моих силах, так их обеспечить, чтобы они не сильно зависели от чужого произвола, ведь мне небезызвестно, как тяжело сознавать недостаток своих сил. Однако не думай, что у отцов, которые не страшатся потерять или оставить в нищете своих детей, нет никаких забот. А кто должен заниматься их воспитанием? Отец. На ком лежит бремя их начального образования и наставления в добродетели? На отце. На ком лежит сложнейшая обязанность обучить их всем заветам, искусствам и наукам? Как тебе хорошо известно, тоже на отце. Прибавь сюда трудную для отца задачу: как выбрать такое искусство, такую науку, такой образ жизни, чтобы они соответствовали характеру сына, репутации семьи, городскому обычаю, настоящему времени и обстоятельствам, существующим возможностям и ожиданиям граждан. В нашем городе не допускается, чтобы кто-либо из них слишком возвысился благодаря своим военным победам. Это разумно, ибо тот, кто пожелает воспользоваться любовью и расположением сограждан, чтобы навязать республике свою волю, может создать опасность для нашей древней свободы, добиваясь своей цели угрозами и силой оружия, если фортуна ему улыбнется и если он сочтет время и условия благоприятными. Образованных людей в нашем городе тоже не очень любят, и похоже, что больше всего он предан науке зарабатывания денег и стяжанию богатств. То ли местность здесь такая, то ли это унаследовано от предков, но видно, что все с малых лет думают, как заработать, все разговоры клонятся к делам хозяйственным, все мысли направлены на приобретение и все старания устремлены на накопление большого богатства. Не знаю, небеса ли в самом деле

уготовали тосканцам такую участь, ведь древние говорили, что небо над Афинами – ясное и чистое, поэтому люди там рождались утонченные и острого ума; в Фивах же небо облачное, и фиванцы не отличались таким быстрым соображением и изворотливостью. Некоторые утверждали, что так как карфагеняне жили в засушливой и бесплодной стране, они были вынуждены общаться с чужеземцами и посещать соседние народы, отсюда их великая искушенность в хитростях и обмане. Точно так же можно предположить, что на наших сограждан повлияли обычаи и склонности предков. Как, по словам князя философов Платона, все поступки спартанцев были проникнуты жаждой победить, так и в нашем городе небеса производят на свет умы, во всем смекающие выгоду, а местность и обычаи возбуждают в них прежде всего не жажду славы, а желание собрать и накопить побольше вещей, стремление к богатствам, с помощью которых они рассчитывают легко справляться со всеми нуждами и приобрести немалое влияние и вес среди сограждан. И если так оно и есть, какое беспокойство должны испытывать отцы, замечающие в своих сыновьях большую склонность к науке или военному делу, нежели к приобретательству и наживе! Разве в их душе желание придерживаться городского обычая не побороет намерение воплотить зародившиеся надежды? Ведь для отцов такое желание станет немалым искушением, заставляющим отставить в сторону заботу о пользе и чести своих детей и семейства. Но легко ли будет родителю отказаться от того, чтобы развивать в своем сыне, как и следовало бы, ту или иную добродетель или похвальное качество, во избежание зависти и ненависти своих сограждан? Впрочем, перечень всех наших огорчений я даже не могу составить в уме, к тому же было бы слишком долго и сложно пересказывать их тебе одно за другим. Ты уже в состоянии убедиться, что сыновья приносят отцам массу печалей и забот.

ЛИОНАРДО. Как же я могу, Адовардо, говорить, что отцы не знают забот, если вся наша жизнь, как говорил Хрисипп, полна тягот и трудов. Никто из смертных не избавлен от боли. Его гнетут скорби, страх и болезни; он хоронит детей, друзей и близких; он теряет и снова приобретает; ожидает и добивается всего, что потребно для наших бесконечных нужд. Видно, таково наказание всех живущих, что под ударами судьбы они старятся в своих жилищах среди слез, скорби и траура. Поэтому, если бы отцы были более, чем прочие смертные, свободны от действия этих законов, установленных для нас природой, и защищены от нападков и ударов внешнего мира, избавлены от присущих всем людям мыслей и забот, обуревающих все здравые умы, то они, наверное, были бы более прочих блаженны и счастливы.

Согласен, однако, с тобой в том, что отцы должны больше других затрачивать все свои телесные и духовные усилия, весь свой ум и ловкость, чтобы воспитать достойных и благонравных детей, как для их собственной пользы – ведь благонравие юноши ценится не меньше, чем его богатство, – так *etiam*⁷ потому, что они украсят и прославят свой дом и отечество, да и себя самих. Благонравные сыновья – хвала и доказательство прилежания их отцов. Считается, если я не ошибаюсь, что для отечества полезнее доблестные и достойные граждане, чем богатые и могущественные. И конечно, невоспитанные сыновья должны причинять здравомыслящим отцам великую боль, даже не столько своей грубостью и непристойностью, сколько тем, что, как всем известно, испорченный сын во всех отношениях – великий позор для отца, откуда всякий может заключить, насколько важно отцу семейства воспитать свою молодежь достойной, благонравной и добродетельной. Думаю, никто не станет отрицать, что возможности отцов по отношению к детям равны их желаниям. И как умелый и старательный объездчик может укротить и подчинить жеребца, в то время как другой, менее ловкий и прилежный не сумеет обуздать его, так и отцы своим усердием и стараниями могут воспитать вежливых и скромных сыновей. Поэтому отцы, сыновья которых вырастут не достойными, а испорченными и дурными, подвергнутся порицанию за нерадивость.

⁷ И (лат.)

Итак, первая мысль и забота старших, как только что говорил Лоренцо, состоит в том, чтобы украсить молодежь добродетелью и благонравием. Впрочем, я посоветовал бы отцам преследовать при воспитании детей прежде всего интересы семьи и не внимать пересудам толпы, потому что, как можно заметить, для добродетели обычно всегда находится приют и место, везде отыщется тот, кто ее полюбит и похвалит. Так что я поступал бы подобно алабандскому ритору Аполлонию, который отсылал юношей, казавшихся ему неспособными к ораторскому искусству, заниматься ремеслами, подходящими им по природе, чтобы не тратить времени впустую. О восточном народе гимнософистов, которых считали мудрейшими среди индийцев, пишут, что у них вскармливали младенцев не так, как желали их отцы, а по усмотрению и указаниям мудрых граждан, в обязанности коих входило следить за появлением на свет и внешностью новорожденных. Они решали, к чему и в какой степени пригодны последние, и те приступали к занятиям, избранным этими благоразумными старцами. А если младенцы оказывались слишком слабыми и негодными для достойных занятий, считалось, что не стоит тратить на них время и средства, и говорят, их бросали и иногда топили. Поэтому пускай отцы применяются к тому, к чему способны их дети, и помнят ответ оракула Апполона Цикерону: «трудись и помышляй о том, к чему тебя влечет природа и твой нрав». И если сыновья выказывают способности к доблести, к подвигам, к высочайшим наукам и искусствам, к победам и воинской славе, пусть занимаются ими, упражняются и совершенствуются в них, и пусть приучаются к ним с младенчества. Что усваивают малыши, с тем они и растут. Если для самых достойных дел они не пригодны по недостатку разума, таланта, упорства или везения, пусть приступают к более легким и не столь серьезным упражнениям и все время по мере своей готовности переходят к новым великолепным, мужественным и достойным занятиям. Если же они не сумеют справиться с самыми похвальными и не преуспеют в других, пускай отцы поступают подобно гимнософистам и топят своих детей в алчности, пусть приучают их к жадности и разжигают в них жажду не чести и славы, а золота, богатств и денег.

АДОВАРДО. Вот это нас и огорчает, Лионардо, то что мы не знаем наверняка, какой путь будет легче для наших, и нам трудно понять, к чему предназначает их природа.

ЛИОНАРДО. Что до меня, я считаю, что внимательный и сообразительный отец без труда поймет, к каким занятиям и какому поприщу склонны и расположены его сыновья. Что может быть сомнительнее и ненадежнее, чем поиски вещей, скрытых природой глубоко под покровами земли и вовсе не предназначенных для обозрения? И все же мы видим, что умелые работники обнаружили и достали их. Кто рассказал жадным и алчным, что под землей лежат металлы, серебро и золото? Кто научил их? Кто открыл для них столь трудный и рискованный путь? Кто уверил их, что там находятся драгоценные металлы, а не свинец? Есть приметы и знаки, которые побудили их к розыску и помогли им найти искомое, извлечь его и использовать. Человеческая изобретательность и старания не оставили скрытой ни одной из этих потаенных вещей. Вот архитекторы, которые собираются построить колодец или фонтан. Прежде чем приступить к делу, они изучают приметы, потому что бесполезно копать там, где нет подземного слоя с хорошей, чистой и доступной водой. Таким образом, они ищут на земле те признаки, по которым можно узнать, что находится в глубине, под ней, внутри. Если почва туфовая, сухая и песчаная, то не стоит тратить на нее силы, но там, где растут кустарники, ивы и мирты, и им подобная зелень, там они могут на что-то рассчитывать. Так же они прослеживают удобное место для строительства и по приметам определяют, как лучше расположить строение. Подобным образом должны поступать и отцы по отношению к сыновьям. Пусть они изо дня в день наблюдают, какие навыки дети усваивают, что их привлекает, к чему они склонны и что им нравится меньше всего. Так они накопят много ясных указаний, которые позволят сделать вполне определенные выводы. И если ты думаешь, что признаки, которые позволяют проникнуть в глубину прочих вещей, более надежны, чем те, что относятся к нравам и внешности людей, по природе склонных к соединению, охотно и намеренно сходящихся

друг с другом, испытывающих радость от совместной жизни и избегающих одиночества, которое их угнетает и огорчает; если ты считаешь, что о людях нельзя судить столь же уверенно по внешним признакам, как о других неочевидных предметах, труднодоступных для смертных с точки зрения их познания и использования, то ты глубоко ошибаешься. Природа, как величайший создатель вещей, не только предназначила человека для жизни в открытую и в обществе прочих людей, но, что представляется несомненным, вложила в него потребность общаться с помощью речей и других средств с прочими людьми и обнаруживать перед ними свои чувства и привязанности, поэтому мало кому удастся скрывать собственные мысли и дела, так чтобы никто не узнал о них хотя бы отчасти. Похоже, что сама природа в момент появления каждой вещи на свет вкладывает в нее и придает ей некие явные и отчетливые приметы и знаки, так что эти вещи предстают перед людьми в таком виде, который позволяет познать и использовать их в меру заложенной в них полезности. Кроме того, в душе и уме смертных природа заронила бесчисленные семена и зажгла свет скрытого познания причин, порождающих одни и те же схожие вещи и помогающих понять, откуда и для чего они берутся. Сюда прибавляется и удивительная, божественная способность выбирать и различать, какая среди этих вещей полезна, а какая вредна, какая пагубна, а какая спасительна, какая пригодна, какая нет. Мы видим, что едва растение пробивается из почвы, опытный и внимательный человек его распознает, а менее опытный заметит его не сразу. Во всяком случае, любую вещь можно распознать прежде, чем она исчезнет, и использовать прежде, чем она пропадет. Так же, я полагаю, природа поступает и с людьми. Поступки детей она не скрывает завесой непонимания и не ограничивает суждения отцов настолько, чтобы в своей неопытности и невежестве они не могли разобрать, к чему больше всего пригодны их сыновья. Ты можешь убедиться, что с первого дня, как ребенок начинает проявлять некоторые наклонности, сразу можно понять, к чему ведет его природа. Врачи, как я припоминаю, говорят, будто если младенцы, перед которыми шелкают или хлопают руками, смотрят на тебя и к тебе тянутся, это значит, что они пригодны для телесных упражнений и занятий с оружием. Если же они прислушиваются больше к присловьям и напевам, которыми их успокаивают и убаюкивают, тогда им суждены спокойные и досужие занятия словесностью и наукой. Внимательный отец изо дня в день будет следить и думать о детях, чтобы лучше понимать каждый их поступок, каждое слово и жест, как тот богатый земледelec Сервий Оппидий из Канузия, о котором пишут, что он примечал за одним из своих сыновей привычку всегда держать за пазухой орешки, которыми тот играл, раздавая их направо и налево, а за другим, более смирным и понурым, склонность пересчитывать эти орехи и перепрятывать их из одной ямки в другую. Отцу этого было достаточно, чтобы узнать характер и предрасположенность каждого из них. Перед смертью он позвал сыновей к себе и сообщил, что желает разделить между ними наследство, потому что ему не хотелось бы, чтобы они наделали глупостей, имея повод для ссоры. Он заверил сыновей, что по природе они отличаются друг от друга, а именно, один из них скуп и прижимист, а другой – расточителен и склонен к мотовству. При таком различии в характерах и нраве отец не желал, чтобы они стали противоречить друг другу. Он хотел бы, чтобы сыновья не ссорились по поводу расходов и ведения хозяйства, потому что им трудно было бы договориться, а так между ними царила бы любовь и взаимное благорасположение⁸. Итак, тут отец проявил полезное и похвальное старание. Так и должны поступать отцы: внимательно следить за каждым шагом ребенка и по малейшим признакам определять их нрав и наклонности, чтобы таким образом выяснить, к чему они предназначены природой.

⁸ Гораций. Сатиры. II, 3, 168–186.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.